

«Чудеснейшая вещь»

Превосходная степень в романе М.А. Булгакова
«Мастер и Маргарита»

© Е. Б. ДЕМИДОВА,
кандидат филологических наук

Основу художественного мироощущения Булгакова составляла гротескная коллизия законов «большого» времени и «сиюминутных» проблем эпохи. В статье рассматривается, с помощью каких языковых средств выражается это противоречие и какое место в художественной системе писателя занимают прилагательные в форме превосходной степени. Эти формы имени прилагательных участвуют не только в создании «фантастической атмосферы» романа, но и в качестве одного из важнейших средств достижения иронического эффекта. Авторская мысль, используя языковые средства различных уровней, проникает в глубины времени и человеческих душ, совершает путь от преходящего к вечному.

Ключевые слова: стиль, автор, языковые средства, прилагательные в превосходной степени, ирония.

M. Bulgakov's artistic world represents symbiosis of comic and tragic elements. The writer try to penetrate more profoundly into the structure of

many conflicts revealing the contradiction of human characters and reality after revolution.

The author of the study, dealing with the analysis of M. Bulgakov's «Master and Margaret» tries to specify the using the superlative in the text. Superlative is the form of adjective that is used to signify the greatest degree of a given descriptor. Bulgakov breaks the rules of expected way of expression. And this breaking of rules is seen in the works of Mikhail Bulgakov in all levels of language, and also in morphology. In the field of morphology the comical effect is created by discrepancy between the meaning and the form. Irony in a broad sense of the term is a tone, related to certain critical sarcastic relation with reality. This is why the ironical expression is determined also by the personality of the author. In his irony is seen the unique artistic way of the writer, his personality, original worldview, and his way of thinking.

The irony as an aesthetic category in Bulgakov's artistic technique have become the original distinctive features of M. Bulgakov's artistic system. We can feel the intonation of the author in the willingness to the wordplay, that is decorating all texts of his works.

Key words: text, style, irony, morphology, adjectives.

Роман «Мастер и Маргарита» многослоен. Самым причудливым образом соединяются в нем библейский сюжет и фарс, клоунада.

Буффонаду, эксцентрику привносит в московские сцены появляющийся в Москве сатана с его необыкновенной свитой. Один за другим на страницах романа возникают герои, похожие на персонажей Зоценко или Ильфа и Петрова. Но у Булгакова они помещены в необыкновенный контекст «дьяволиады». Действие балансирует на грани фантастики и реальности: потусторонние силы обживают московские улицы и квартиры, реальные персонажи переступают черту потустороннего мира. Свита Воланда действует не только в контексте гротескных сцен, но и в сценах фантазмагорического и лирико-драматического плана.

Одна из характерных черт булгаковского стиля – синтез «архетипичности» с острой «фельетонностью». Трагические катаклизмы в «Мастере и Маргарите» сопровождаются бурлескными интонациями; в высокий пафос вносится примесь балаганной шутки – происходит взаимопроникновение сакрального и профанного начал. Булгаковский смех это не смех Гоголя и не карающий смех Щедрина. Этот смех артистичен, в его силе есть изящество.

Даже при поверхностном чтении романа обращает на себя внимание большое количество прилагательных в форме превосходной степени. Какое место занимают они в системе языковых средств романа, с какой целью используются и какую функцию выполняют? Согласно словарям, элитивы, формы превосходной степени, «особенно при их экспрессивном употреблении», выражают значение безотносительно большой меры признака [1].

Простая форма превосходной степени, характерная преимущественно для книжной речи, встречается в романе так часто, что можно говорить о ее особой стилистической роли. В романе она порой становится излюбленным способом описания, как, например, элатив *ближайший*: «План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до *ближайшего* телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном» [1. С. 49. Курсив здесь и далее наш. – Е.Д.]; «Поэт поднял свечу над головой и громко сказал: – здорово, други! – после чего заглянул под *ближайший* столик и воскликнул тоскливо – нет, его здесь нету!» [С. 69]; «Увидев, в каком состоянии Степан Богданович, артист послал Груню в *ближайший* гастроном за водкой и закуской, в аптеку за льдом» [С. 89]; «С *ближайшего* столба доносилась хрипая бессмысленная песенка» [С. 190]; «Он мигом навел его на *ближайшего* к нему стоящего, но у того раньше, чем тот успел выстрелить, в руке полыхнуло огнем, и вместе с выстрелом из маузера кот шлепнулся вниз головой с каминной полки на пол, уронив браунинг и бросив примус» [С. 356]. Элатив *ближайший* придает описанию событий динамизм.

Формы прилагательного *дальнейший* употребляются Булгаковым как привычный способ продолжения повествования: «Но, само собою, после того как контракт был предъявлен, *дальнейшие* выражения удивления были бы просто неприличными» [С. 89]; «– Ты будешь в *дальнейшем* молотить всякую чушь? – грозно спросил Фагот у плачущей головы» [С. 134]; «Иван догадался из *дальнейших* путаных фраз, что какой-то другой редактор напечатал большой отрывок из романа того, кто называл себя мастером» [С. 151]; «Но *дальнейшее* уже не интересовало Маргариту» [С. 250].

В своем словарном значении превосходной степени, без всякого иронического подтекста, употребляются элативы *важнейший* и *малейший*: «Бездетная тридцатилетняя Маргарита была женою очень крупного специалиста, к тому же сделавшего *важнейшее* открытие государственного значения» [С. 228]; «– Совершенно верно, благодарю, – медленно проговорил маг тяжелым басом, – сколь гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне? – Да, это *важнейший* вопрос, сударь» [С. 131]; «...в частности, не нашел ни *малейшей* связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно» [С. 33]; «Он хотел одного, чтобы Иешуа, не сделавший никому в жизни ни *малейшего* зла, избежал бы истязаний» [С. 187].

Элатив *величайший* употребляется как в прямом, так и в гротескно-ироническом смысле: «Гость не рядил Ивана в сумасшедшие, проявил *величайший* интерес к рассказываемому и по мере развития этого рассказа, наконец, пришел в восторг» [С. 142] и «Растерянно ухмыльнувшись,

Никанор Иванович и сам не заметил, как оказался у письменного стола покойника, где Коровьев с *величайшей* быстротой и ловкостью начертал в двух экземплярах контракт» [С. 107]; «Эти же рассказы привели в *величайшее* смущение бухгалтера Василия Степановича, который накануне на спектакле не был» [С. 195].

Зачастую Булгаков образует формы превосходной степени от прилагательных, которые уже обозначают «сильную степень» признака: «под *ярчайшей* луной» застыл дворец прокуратора, «всё утонуло вокруг в *густейшей* зелени кипрейских садов» [С. 34]; «В ярком свете *сильнейших* уличных фонарей он увидел на тротуаре внизу под собой даму в одной сорочке...» [С. 159]. Такие прилагательные служат гиперболизации описания апартаментов Воланда и его свиты: «На ручке двери он разглядел *огромнейшую* сургучную печать на веревке» [С. 89]; «После этого Ивана Николаевича повели по пустому и беззвучному коридору и привели в *громadнейших* размеров кабинет» [С. 95]; «... в передней никого не было, кроме *громadнейшего* черного кота, сидящего на стуле» [С. 210]; «Я, впрочем, – продолжал болтать Коровьев, – знавал людей, не имевших никакого представления и тем не менее продельвавших *совершеннейшие* чудеса в смысле расширения своего помещения» [С. 259]; «... она видела *громadнейшую* швейцарскую с совершенно необъятным камином, в холодную и черную пасть которого мог свободно въехать пятитонный грузовик» [С. 278]; «– *Чудеснейшая* вещь! – воскликнул Азazelло, – вот это я люблю! Раз-два готово! Не то что тогда в Александровском саду» [С. 387]; «На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотую цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с *мрачнейшим* и никогда не улыбающимся лицом» [С. 398].

Таких примеров довольно много в тексте романа, они способствуют созданию нереальной, фантастической атмосферы всего произведения.

Интересна и другая функция прилагательных в превосходной степени в тексте «Мастера и Маргариты». Это функция создания иронического эффекта. Ирония, как отмечал Пешковский, в художественной литературе создается реальными условиями речи.

Конкретные коллизии романа рассматриваются Булгаковым с позиций человека, вынужденного в новых условиях не столько жить, сколько выживать, чья жизнь, возможно, сложилась бы не просто более счастливо, но совершенно иначе, родился он в иное, не столь катастрофическое время. Из этого конфликта и рождается философская ирония, содержащаяся в подтексте фантастических или сатирических образов и фабул.

Взгляд автора на мир стяжательства, зависти, эгоизма, подлости, мир Берлиоза, Рюхина, Лиходеева, Поплавского, Варенухи и Босого – это взгляд сверху. В фантазмагорию романа «Мастер и Маргарита» Булгаков вплетает историю своей жизни. Его враги выписаны со злой иронией,

важную роль в создании которой играют элативы: «Плясали свои и приглашенные гости... плясали *виднейшие* представители поэтического подразделения МАССОЛИТ» [С. 67]; « – Добрый день, *симпатичнейший* Степан Богданович! Произошла пауза, после которой, сделав над собой *страшнейшее* усилие...» [С. 86]; «– Алмаз вы наш небесный, *драгоценнейший* господин директор, – дребезжащим голосом ответил помощник мага...» [С. 128]; «Максимилиан Андреевич считался, и заслуженно, одним из *умнейших* людей в Киеве. Но и самого умного человека подобная телеграмма может поставить в тупик» [С. 208]; «– Нет, нет, нет! ни слова больше! ни в каком случае и никогда! В рот ничего не возьму в вашем буфете! Я, *почтеннейший*, проходил вчера мимо вашей стойки и до сих пор не могу забыть ни осетрины, ни брынзы» [С. 216]; «Я своими глазами видел, как какая-то неопрятная девушка подливала из ведра в ваш громадный самовар сырую воду, а чай между тем продолжали разливать. Нет, *милейший*, так невозможно!» [С. 216]; «– Первые! – воскликнул Коровьев, – господин Жак с супругой. Рекомендую вам, королева, один из *интереснейших* мужчин» [С. 278]; «– *Очаровательнейшая* и *солиднейшая* дама, – шептал Коровьев, – рекомендую вам: госпожа Торфана, была чрезвычайно популярна среди молодых очаровательных неаполитанок, а также жительниц Палермо, и в особенности тех, которым надоели их мужья» [С. 280]; «– А, *милейший* барон Майгель, – приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю...» [С. 289]; «Семплеяров Аркадий Аполлонович, *наиболее образованный* человек, видели этого мага...» [С. 346]; «В этом театре ему уже не пришлось сталкиваться по делам акустики с *почтеннейшим* Аркадием Аполлоновичем Семплеяровым» [С. 408]. Во всех этих элативах отчетливо прослеживается «скрытая насмешка», совершенно иной смысл, нежели тот, который присущ их словарному значению.

Приведем примеры, где прилагательные в превосходной степени выражают атмосферу страха, доносительства и допросов, царивших в то время: «И тут закопошились в мозгу у Степы какие-то *неприятнейшие* мыслишки о статье, которую как назло, недавно он всучил Михайлу Александровичу для напечатания в журнале» [С. 90]; «И вместо того чтобы поднимать *глупейшую* бузу на Патриарших, не умнее ли было бы вежливо расспросить о том, что было далее с Пилатом и этим арестованным Га-Ноцри?» [С. 124]; «И Варенуха начал рассказывать подробности. Лишь только он явился туда, куда был отправлен финдиректором, его немедленно приняли и выслушали *внимательнейшим* образом» [С. 162]; «– Нет, присядьте еще, – сказал Пилат, жестом останавливая своего гостя, – есть еще два вопроса. Второй – ваши громадные заслуги на *труднейшей* работе в должности заведующего тайной службой при прокураторе Иудеи дают мне приятную возможность доложить об этом в Риме» [С. 318]; «Вся эта *глупейшая*, бестактная и, вероятно, политически вредная вещь заставила гневно содрогаться Павла Иосифовича» [С. 366]; «Разговор

был тягостный, *неприятнейший* был разговор, ибо пришлось с *совершеннейшей* откровенностью рассказывать не только об этом паскудном сеансе и драке в ложе...» [С. 345]; «— Да, да, шептал, замирая от страха и ежесекундно оглядываясь, администратор и выкладывал *дальнейшие* подробности того, как он просуществовал около двух дней в квартире № 50 в качестве вампира-наводчика, едва не ставшего причиной гибели финдиректора Римского...» [1. С. 352].

В булгаковской иронии преломляются неповторимая художественная манера писателя, его индивидуальность, своеобразие мировоззрения, его идейно-образное мышление.

Булгаков стал современником «взвихренного» языка эпохи, в котором соединились и церковный высокий слог, и живая народная речь, и книжная интеллигентская беседа, и риторика митингов. Язык булгаковской иронии умело пользуется этим многообразием, сталкивая несовместимое.

Прилагательные в превосходной степени являются важной особенностью стиля романа «Мастер и Маргарита». Они участвуют в создании «фантастической атмосферы» романа, выступают в качестве одного из важнейших средств создания иронического эффекта. «Последний закатный роман», как называл Булгаков «Мастера и Маргариту», через иронию и фантастику создает блистательную картину вечной борьбы сил добра и зла, избравших полем битвы души и умы людей.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 524.
2. *Булгаков А.М.* Мастер и Маргарита. М., 2014. Далее указ. только стр.

*Московский педагогический
государственный университет*